

поводу, а 0,7 % респондентов вовсе не придают этому значения. Затруднились ответить 2,7 % опрошенных.

Более половины участников опроса указали, что время от времени посещают места памяти героев Великой Отечественной войны (68,5 %), тогда как регулярно делает это только каждый пятый респондент (19,7 %). Не посещают такие места вовсе 11,5 % опрошенных, а затруднились ответить 0,3 %.

По мнению участников опроса, День Победы является, прежде всего, днем скорби по всем погибшим (47,1 %), праздником ветеранов войны (47,0 %), народным праздником для граждан Беларуси и других стран бывшего СССР (45,9 %). Каждый третий респондент считает День Победы официальным праздником (33,3 %), а каждый четвертый – праздником всех стран антигитлеровской коалиции (25,2 %). Затруднились ответить 1,6 % респондентов, указали другие варианты – 7,2 % опрошенных.

Ответы респондентов на вопрос «Как Вы обычно проводите 9 мая?» распределились следующим образом: почти каждый второй (46,6 %) смотрит в этот день трансляцию парада по телевизору или в Интернете, предпочитают прогулки по праздничному городу и посещение салюта 42,0 % населения. Практически треть опрошенных лично присутствует на параде (30,4 %), вспоминает родных, участвовавших в боевых действиях (30,3 %). Указали, что собираются в семейном кругу для почтения памяти 29,0 % респондентов. Исторические места (памятники, музеи) в этот день посещают 25,9 % граждан страны. При этом, лишь каждый десятый участник опроса (10,5 %) считает День Победы обычным выходным днем.

Таким образом, мы можем говорить о том, что Великая Отечественная война остается одним из важнейших событий в истории Беларуси. Как показывают данные социологического исследования, белорусы имеют сильную эмоциональную связь с этим событием, что формирует у них смешанные противоречивые чувства (гордость и страх, скорбь и благодарность). Многие признаются, что обладают фрагментарными знаниями о событиях Великой отечественной войны, однако имеют высокий уровень желания узнать о них больше. Население современной Беларуси помнит и ценит подвиги тех, кто сражался за свободу и независимость Родины в трудные военные годы. Историческая память о Великой Отечественной войне не только укрепляет солидарность и формирует патриотизм, но и напоминает о важности сохранения мира и согласия в нем, помогает извлекать уроки из прошлого и стремиться к мирному разрешению всех конфликтов и противоречий, чтобы избежать новых страшных потрясений.

Список использованных источников

1. Бельский, А. М. Великая Отечественная война в представлениях белорусов (по материалам социологического исследования) / А. М. Бельский, И. В. Мятникова, С. С. Грак // Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти в системе высшего образования: современное состояние и перспективы : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 мая 2023 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: С. И. Скриба [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2023. – С. 50–53.

2. О патриотических ценностях в представлении современных белорусов: оценка эффективности реализации Программы патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии ; сост.: А. М. Бельский [и др.] ; общ. ред. Н. Л. Мысливца. – Минск : Беларус. навука, 2023. – 27 с.

3. Бельский, А. М. Исследование средств массовой информации: от дисциплинарных границ к междисциплинарности / А. М. Бельский // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» . – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. – С. 289–293.

*С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент
БГУ, г. Минск*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: СЕМАНТИКА ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Историческая память претерпевает в сетевом обществе ряд изменений, обусловленных ее виртуализацией. Виртуализация напрямую связана с развитием соответствующих коммуникаций,

позволяющих перевести способ сетевого взаимодействия в «базовый принцип обеспечения коллективной солидарности и исходную точку процессов самоидентификации» [1, с. 32]. Относительно исторической памяти это повлекло смещение фокуса с профессиональных текстовых конструкций, репрезентирующих события и связанных с ними лиц, к социальным процессам и процедурам, направленным на визуализацию образов прошлого с обязательным их включением в текущие социально-культурные практики. Это означает, что произошел «цифровой поворот» в трансляции разделяемых обществом смыслов исторического прошлого, где культурно-информационной единицей становится интернет-мем [2–6]. Его семантика, применительно к сохранению исторической памяти в виртуально-сетевых условиях, обусловлена рядом общетеоретических свойств: логико-языковых, социальных, политических, этических. Поэтому следует прояснить роль семантики интернет-мемов в процессе формирования исторической памяти в сетевом обществе.

Оцифровка смыслов прошлого – это не только ответы на вопросы, поставленные настоящим, но и реальные вызовы, связанные с поиском адекватных подходов к формированию исторической памяти. Очерчу два таких вызова, обуславливающих семантику интернет-мемов и позволяющих разграничить их конструктивные и деструктивные эффекты: технологический и культурный.

Технологический вызов обусловлен, с одной стороны, медиатизацией образования, с другой, – его виртуализацией и индивидуализацией. Высокотехнологичное образование должно повышать степень информационной свободы и научить создавать собственную информационную культуру как «входной билет» в общество знания. Однако сегодня образование все в большей степени конкурирует с виртуальными средствами массовой информации, так как новые технологии подменяют диалог коммуникацией, преподавание – манипуляциями, а иногда симуляциями, самостоятельность мышления – воспроизводством чужих мыслей. Такие подмены поддерживаются постмодернистскими условиями, включающими сетевой номуадизм, плюрализм мнений, фрагментарную идентичность, которые не нуждаются в метафизическом знании, выводящем за пределы чувственного опыта и мира явлений. Для исторической памяти отсутствие доступа к метафизике, как чистой умоэрительной рациональности, означает отсутствие школы свободного критического мышления.

Культурный вызов обусловлен «размыванием» различий между повседневным эпистемологическим анархизмом и авторитетом интеллектуальности. Если в нецифровое время неорганизованной и иррациональной повседневной культуре противостояла культура просвещенных людей, то в сетевом обществе дилетантизм и профессионализм стали уравниваться, что привело к замещению знаний информацией, рационального (логического) – чувственным (эстетическим), серьезного – игровым, постоянного – изменчивым, а значит, памяти – открытостью настоящему. Феномены информации, чувственности, игры, изменчивости могут обходиться без исторической памяти именно вследствие открытости настоящему. Поэтому особенности формирования исторической памяти в сетевом обществе обусловлены преодолением этой открытости, как базовому времени в данном обществе. Постоянная открытость настоящему объясняет, например, легкость собиания людей в «умную толпу» (Г. Рейнгольд) и слабость социальных связей в сетевом обществе.

В качестве объединяющего начала в сетевом обществе рассматривается мем, признанный «основой единицей культурной передачи (трансмиссии)» [7, с. 9]. Содержательно он раскрывается с помощью биолого-медицинской метафоры вирусной, или зараэительной, идеи или образа, которые подразумевают их потенциальную способность к репликации в культурно-информационном пространстве, не исключающую мутации и искажения. Как относительная целостность, мем воспроизводит и транслирует в формализованном виде различные аспекты событий и процессов с помощью изображения или текста.

Подобно тому, как устойчивая комбинация генов определяет генотипическую организацию живого в пространстве и времени в качестве фенотипов, так и устойчивое сочетание мемов определяет культурные типические образования, существующие автономно. Поэтому методически важно учитывать, что мемы не являются чем-то исключительно новым в сетевом мире с цифровыми технологиями. В частности, устойчивые языковые структуры (фразеологизмы, пословицы или поговорки), оценочные квалификаторы (поведенческие императивы, правовые нормы или установления разума), мифологические, литературные или кинематографические образы, исторические события или личности являются мемами. История вполне логично ставит вопросы, почему именно это, именно тогда и в этом месте случилось, пытаюсь выяснить «фенотипическое» преимущественное положение в конкурентном противостоянии множеств комбинаций мемов.

В основе семантической организации мемов лежит агрегатное отношение, так как любая их комбинация сама образует мем. Разнообразие на верхнем уровне обусловлено ограничением

разнообразия на предшествующих уровнях, но увеличение разнообразия на нижнем уровне ведет к дестабилизации или разрушению верхнего уровня организации. Устойчивость мемов на низших уровнях гарантирует вариативность более крупных в культурно-историческом смысле мемов, которые в терминологии Гегеля и Фихте были названы объективированными сущностями или «третьим миром» у К. Поппера. Например, на уровне языковой культуры конкурируют слова (имена), но не произведения, которые становятся конкурирующими на уровне организации процесса обучения.

Д. Деннет оценил эвристический потенциал концепта «мем», обосновав его как информационный симбионт, как свойство не индивидуального, а коллективного сознания. Он использует его в качестве средства прояснения и объяснения тайн сознания, языка и мозга, исходя из предпосылки о наличии в мозге виртуальной машины мемов, формирующей наброски, частично воспроизводимые в речи, из которых и складывается история [8]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на полемику по поводу сущности мема, он является двойственным феноменом, т.е. его следует изучать и как артефакт, и как идеи и убеждения. Значит, мем находится, соответственно, вне индивидуального сознания и в нем. Если артефакт отражает определенную степень организованности, ставшую результатом каких-то ограничений, то идеи и убеждения составляют факторы (или источник) разнообразия, которые сдерживают дальнейшее движение в направлении укрупнения мемов, которые и становятся достоянием истории и исторической памяти.

Интернет-мемы (мемиамемы), в отличие от мема-гена, являются «кристаллизацией опыта совместных переживаний общества или его части (а также реакцией на значимые события)» [6, с. 30], которые выражены визуально или вербально. В таком толковании интернет-мем, располагаясь между реальностью, символом и обществом, имеет свою онтологию, риторику и логику. В частности, политические интернет-мемы представляют собой политический акт, инструмент воздействия и аргумент в политическом дискурсе [2, с. 18]. В таком подходе историческая память выступает необходимым условием объединения людей, оценивающих интернет-мемы. В случаях оценивания политических интернет-мемов, пользователи «проходят своего рода бессознательную проверку на близость политических взглядов друг друга». Сходное восприятие интернет-мемов указывает на собирание «виртуальной политической группы “друзей”, с возможностью реального воздействия на сферу политического, – по аналогии с “друзьями” в концепции политического К. Шмитта» [2, с. 22]. Таким способом они становятся «ячейками» исторической памяти в сетевом взаимодействии.

Оперирование интернет-мемами обусловлено гетеротопией сетевого общества, или практиками номадизма, поддерживающими существование в асинхронных контекстах, что препятствует установлению пространственных и временных различий объектов [9, с. 122]. «Здесь и теперь» исключают влияние прошлого и «втянутость» в личное будущее. Это находит продолжение в дисбалансе между традиционным означаемым и реальным означающим в жизненных смыслах студентов эпохи цифровых технологий [10, с. 110]. Для его преодоления необходимо включать в социально-гуманитарные учебные дисциплины темы, связанные с интернет-мемами. В них нужно раскрывать смысл интернет-мемов как социально-культурных единиц исторической памяти [3; 5], как формы выражения исторического опыта [4, с. 97], как инструмента построения собственной и коллективной версии истории [11]; как инструмента манипуляций и информационной войны [6].

Таким образом, в семантике интернет-мемов необходимо разграничивать логико-языковые, социальные, политические, этические и иные предметные и смысловые значения. Это позволит, во-первых, преодолеть односторонние трактовки интернет-мемов как анекдотических, визуальных, сиюминутно воспринимаемых ситуаций, во-вторых, раскрыть их конструктивный и деструктивный потенциал, проистекающий из технологического и культурного вызовов исторической памяти в сетевом обществе. Интернет-мемы актуальны своей связью с осознаваемым прошлым, что способствует поддержанию непрерывности и преемственности сетевого бытия. Глубина понимания воспринимаемого настоящего и прогнозируемого будущего определяется уходящей в историю семантикой, которая обусловлена синтактикой знаковых конструкций и обуславливает их прагматические особенности.

Список использованных источников

1. Аникин, Д. А. Визуализация исторической памяти в сетевом обществе: методологические основания исследования / Д. А. Аникин // *Logos et praxis*. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 32–39.
2. Доброродный, Д. Г. Феномен политических интернет-мемов в современном медиапространстве / Д. Г. Доброродный, И. С. Голубев, А. В. Сарычева // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология*. – 2020. – № 2. – С. 18–24.

3. Зиновьева, Н. А. Анализ процесса конструирования смысла интернет-мема / Н. А. Зиновьева // Дискуссия. – 2013. – № 9(39). – С. 133–137.
4. Костоглотов, Д. А. «Парни с машиной времени»: опыт исследования исторического интернет-мема / Д. А. Костоглотов // Артикульт. – 2022. – № 2 (46). – С. 97–105.
5. Марченко, Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества / Н. Г. Марченко // Казанская наука. – 2013. – Вып. 1. – С. 113–115.
6. Черников, М. В. Мем-манипуляция как инструмент информационных войн // М. В. Черников, Л. С. Перевозчикова, Е. В. Авдеев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2023. – № 3. – С. 25–37.
7. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М. : АСТ, 2023. – 512 с.
8. Деннет, Д. Разум от начала до конца. Новый взгляд на эволюцию сознания от ведущего мыслителя современности / Д. Деннет. – М. : Бомбора, 2021. – 528 с.
9. Воробьева, С. В. Цифровая идентичность в сетевом обществе: практики номадизма и пограничные состояния / С. В. Воробьева // Феномен границы в глобализирующемся мире : сб. науч. ст. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2020. – С. 121–124.
10. Гигин, В. Ф. Студенты эпохи цифровых технологий: жизненные смыслы в реалиях белорусского общества / В. Ф. Гигин, Ж. М. Грищенко // Социологические исследования. – 2021. – № 1. – С. 110–120.
11. Артамонов, Д. С. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 75–87.

*О. В. Гинзбург, кандидат филологических наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва*

ИЗУЧЕНИЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ДРЕВА СЕМЬИ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

В соответствии со стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, приоритетной задачей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. При этом особая роль отводится гражданскому и патриотическому воспитанию, что предполагает формирование активной гражданской позиции, патриотизма, чувства гордости за свою Родину [11, с. 7].

Как ученые прошлого, так и современные исследователи призывают к необходимости изучения истории страны через историю семьи. Еще в прошлом веке ученый и священник Павел Флоренский отмечал важность родовой памяти для воспитания человека, указывал на единство рода и личности, полагая, что история рода должна давать нравственные уроки [10]. Наш современник, преподаватель и генеалог Извеков И. Н., разработавший «концепцию воспитания молодежи через генеалогическую культуру личности», полагает, что включение в программу отдельной дисциплины или элективного курса по генеалогии будет способствовать интеллектуальному и нравственному развитию личности [6]. По его мнению, генеалогическая педагогика в образовательной среде семьи и ВУЗа помогает «воссозданию института семьи, возрождению семейных ценностей, сохранению и укреплению внутрисемейных и межпоколенческих связей, преемственности поколений», что в свою очередь отражается на формировании гражданственности, патриотизма и нравственной воспитанности [7].

В системе образования России, в связи с происходившими в XX веке историческими событиями, проблеме формирования у индивида генеалогической культуры не уделялось должного внимания. В последнее время, наоборот, в обществе отмечается запрос на изучение семейной истории, в России организуется большое количество мероприятий, направленных на популяризацию генеалогии, при этом большая роль возложена на образовательные учреждения [1-4, 5, 8, 9]. В качестве примеров можно привести республиканский конкурс генеалогических исследований в Татарстане [4] или всероссийское движение-конкурс «Моя родословная» [12].